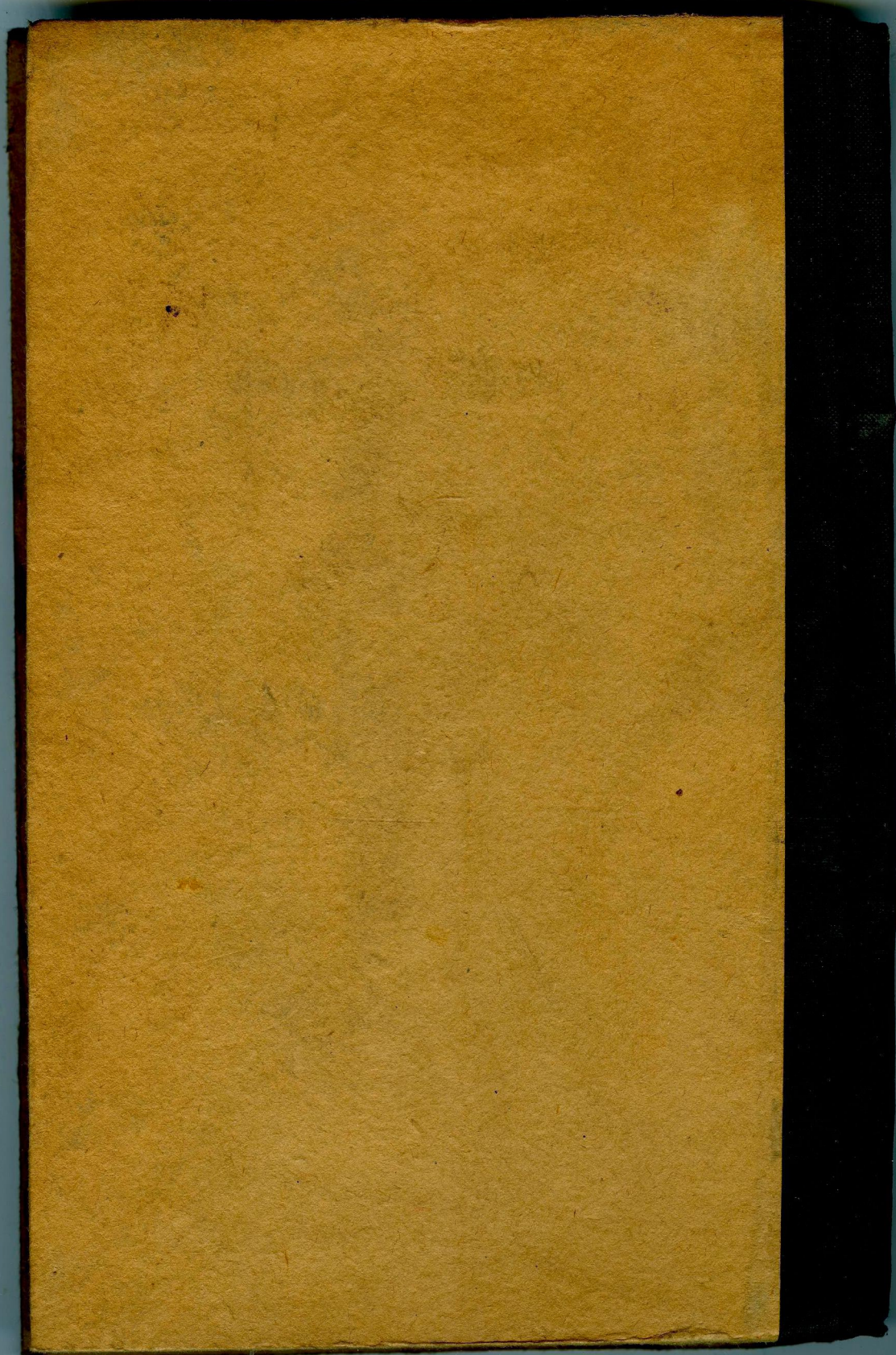
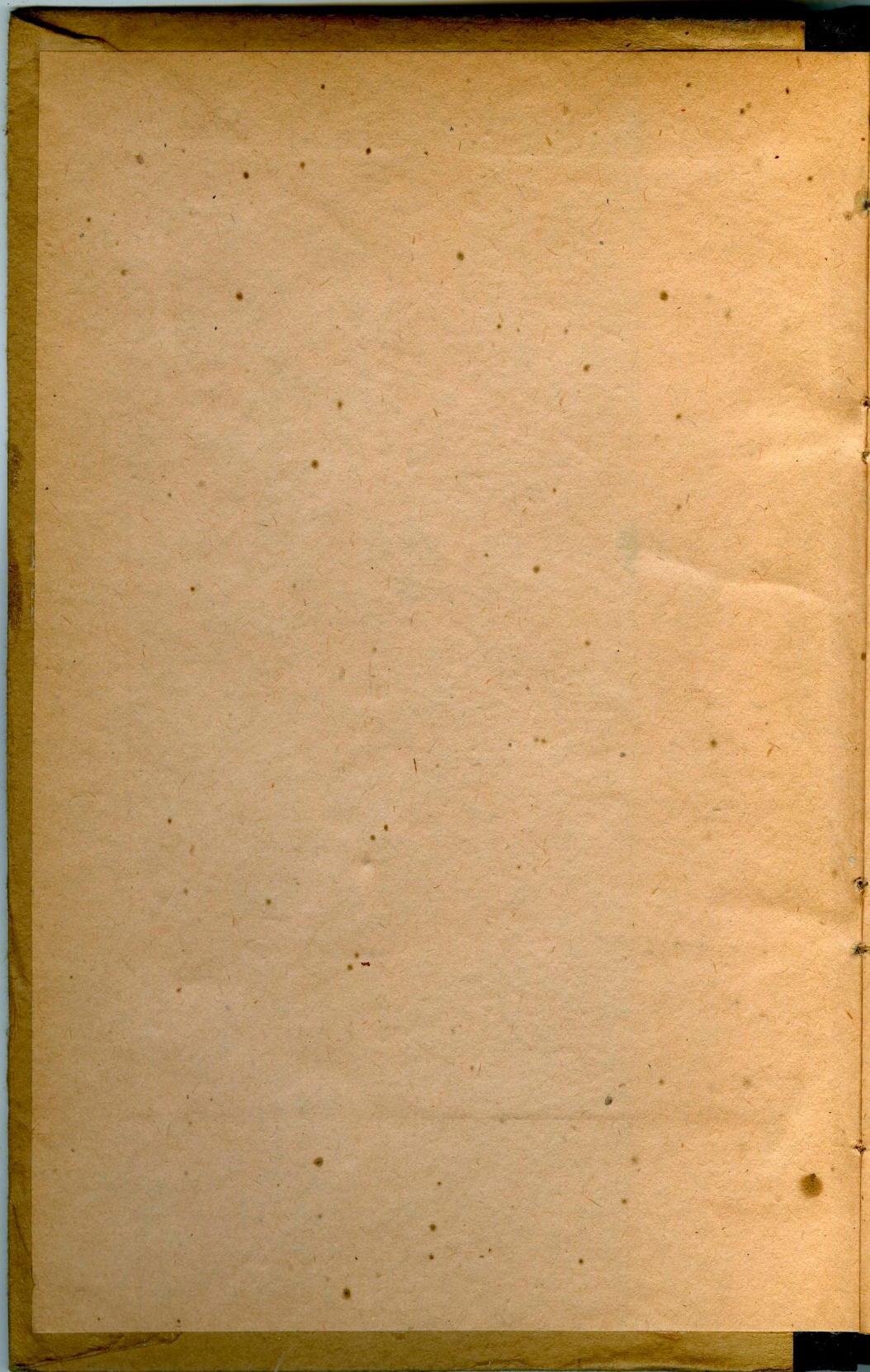
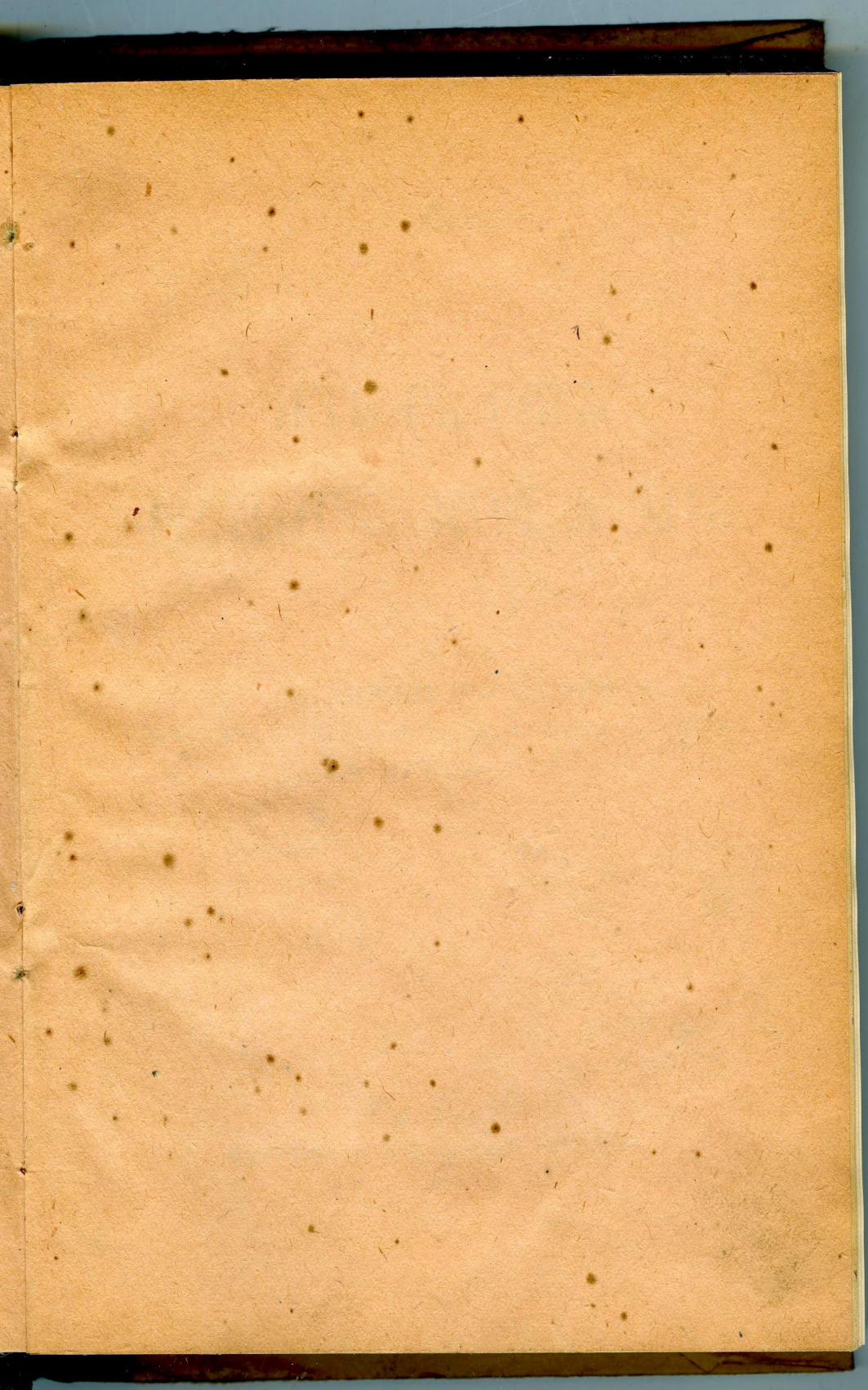

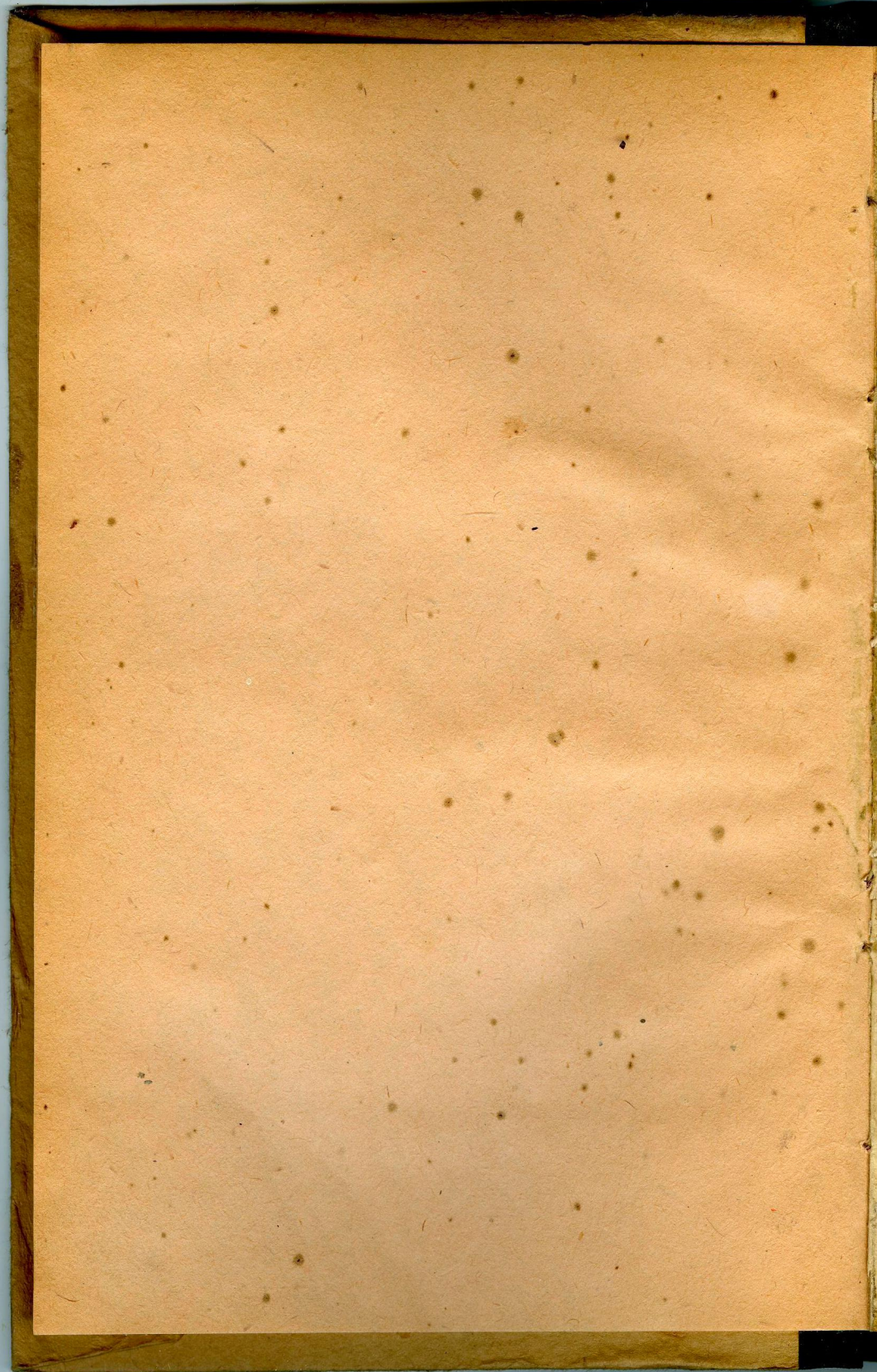
236327.

236

236327

В. Лебедевъ.

ИЗЪ РЯДОВЪ ФРАНЦУЗСКОЙ АРМІИ.

РУССКІЕ ВОЛОНТЕРЫ ВО ФРАНЦІИ.
ОЧЕРКИ ФРАНЦУЗСКАГО ФРОНТА И ТЫЛА.
ВЪ МАКЕДОНИИ.

1579

МОСКВА.
ИЗДАНИЕ М. и С. САБАШНИКОВЫХЪ
1916.

Типо-литографія Т-ва И. Н. КУШНЕВЪ и К^о. Пименовская ул., соб. д.
Москва—1916.

Центральна наукова бібліотека
ХНУ імені В. Н. Каразіна
2013р.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	<i>Стр.</i>
Отъ редактора	V

Русскіе волонтеры во французской арміи.

Объявленіе войны	3
Запись въ волонтеры	7
Въ походѣ	10
На передовыхъ позиціяхъ	21
Русская баня на французскихъ позиціяхъ	30
Въ госпиталѣ	37
Встрѣчи	44
Гюставъ Любенъ	54
Атака возвышенности „140“	63
За годъ	67
Волонтерство	77
Волонтеръ	91

Очерки французскаго фронта и тыла.

Новое въ войнѣ	117
Западный фронтъ	126
Стратегія будущаго	133
„Цвѣтное“	139
Великое дѣло	150
Плѣнные	161
„Спасительный незнакомецъ“	171

Въ Македоніи.

Въ Македонію	183
На палубѣ	190

	<i>Стр.</i>
Салоники	201
Въ полѣ лагеремъ	205
Въ фіолетовыхъ горахъ	209
Въ туманѣ	215
Сербы въ Салоникахъ	221
Генералъ Саррай	226
Въ воздухѣ	233
Страна печали и смерти	241

ОТЪ РЕДАКТОРА.

Всѣмъ еще памятни, конечно, горячія, прочувствованныя строки, въ которыхъ В. Г. Короленко привлекалъ этой весною вниманіе общества къ мартирологу русскихъ волонтеровъ на французскомъ фронтѣ. Позволю себѣ здѣсь нѣсколько первыхъ строкъ повторить дословно.

«Объявленіе войны застало во Франціи и Бельгіи многихъ нашихъ соотечественниковъ. По большей части это была учащаяся молодежь, но порой и люди зрѣлаго возраста, которыхъ особенности нашей современности обрекли на невзгоды скитальческой жизни. Въ душахъ этихъ людей разразившіяся надъ Европой событія отозвались съ особенной болѣзненной рѣзкостью, вызвали сильныя и противорѣчивыя движенія совѣсти и мысли. Когда-нибудь исторія нашей общественности съ сочувственнымъ вниманіемъ остановится надъ этой трагедіей русской скитальческой души, мятущейся въ разнообразныхъ исканіяхъ правды. Въ результатъ этого движенія значительная часть русскихъ оказалась на поляхъ битвъ въ качествѣ волонтеровъ, сражающихся рядомъ съ нашими французскими, бельгійскими и англійскими союзниками за общее дѣло. Многіе уже пали въ этой борьбѣ, и тѣла ихъ лежатъ въ братскихъ могилахъ на поляхъ Марны, въ Шампани, подъ Аррасомъ и Реймсомъ.

Безъ сомнѣнія, многіе и теперь ложатся на холмахъ и равнинахъ у Вердена.

«Недавно одинъ изъ такихъ волонтеровъ съ большою задушевностью описалъ братскую могилу, въ которой нашли успокоеніе солдаты русскаго отряда, павшіе въ ужасной ночной битвѣ въ Шампани. Товарищъ ихъ по оружію, тоже волонтеръ, бразилецъ, сражавшійся въ томъ же иностранномъ легіонѣ, рассказывалъ нашему соотечественнику: «Они первые пошли въ атаку съ какимъ-то для меня непонятнымъ словомъ на устахъ. И они пали одинъ за другимъ, какъ спѣлые колосы, подкошенные нѣмецкими пулеметами». И, падая, повторяли все то же слово, ободряя имъ другъ друга на смерть...

«Смысль его былъ непонятенъ бразильцу, но его, очевидно, хорошо понимали эти люди...

«Неужели это слово, этотъ предсмертный кличъ не найдетъ отклика у насъ, на нашей родинѣ?»

В. Г. Короленко ближайшимъ образомъ приглашалъ общество притти на помощь той жестокой матеріальной нуждѣ, жертвой которой стало такъ много пострадавшихъ волонтеровъ и осиротѣлыхъ волонтерскихъ семей. Но «не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ», и всякій, кому случалось прислушиваться къ долетавшимъ съ западнаго фронта русскимъ голосамъ, знаетъ, что самою глубокою потребностью нашихъ волонтеровъ съ момента ихъ вступленія на крестный путь являлась жажда сочувственнаго пониманія со стороны родины.

Нужно ли послѣ этого пространно объяснять, какъ долженъ былъ я отнестись къ письму, полученному мною въ качествѣ руководителя иностраннымъ отдѣломъ «Русскихъ Вѣдомостей» изъ далекой Македоніи отъ автора этой книги? Авторъ,—самъ волонтеръ, начавшій при посредствѣ нашей газеты знакомить родину съ судьбами волонтеровъ немедленно по выступленіи

ихъ на поле битвы,—сообщалъ мнѣ, что въ Парижѣ предпринимается изданіе ряда его корреспонденцій во французскомъ переводѣ съ той главной цѣлью, чтобы дать Франціи болѣе ясное понятіе о русскомъ волонтерствѣ, и спрашивалъ моего мнѣнія по вопросу, не было ли бы умѣстно издать ихъ и въ Россіи отдѣльной книгой. «Если бы,—продолжалъ онъ,—вы нашли: «да, стоитъ», и взяли на себя редактированіе сборника, въ него должны были бы войти всѣ статьи, посвященные волонтерамъ, а изъ другихъ корреспонденцій тѣ, которыя вы найдете интересными и характерными. Такимъ образомъ, не будучи исключительно волонтерскимъ сборникомъ, книга еще разъ напомнить объ этомъ явленіи русскому обществу».

Я съ полною готовностью пошелъ навстрѣчу выраженному авторомъ желанію, руководясь при этомъ не только сочувствіемъ къ поставленной имъ для изданія цѣли, но и высокой оцѣнкой, которую я вмѣстѣ съ широкими кругами читателей давно уже привыкъ давать его корреспонденціямъ.

Дѣйствительно, помимо свѣжаго литературнаго таланта, особенно отмѣченнаго способностью, которая опредѣляется у французовъ, какъ *puissance d'évocation*, статьи В. И. Лебедева неизмѣнно выдавались рѣдкой освѣдомленностью автора во всѣхъ разнообразныхъ областяхъ, откуда онъ черпалъ темы для своихъ живыхъ, полныхъ движенія, теплыхъ и искреннихъ этюдовъ.

Главной изъ этихъ темъ было волонтерство. Здѣсь авторъ былъ поставленъ исключительно благопріятно, чтобы давать изображеніе волонтерскихъ переживаній, ибо раньше, чѣмъ волею судьбы онъ поступилъ въ ряды французской арміи, онъ былъ немало времени офицеромъ русской службы, продѣлавшимъ съ отличіемъ маньчжурскую кампанію. Свой человѣкъ въ кружкѣ интеллигентовъ, пошедшихъ во Франціи на волонтерскій

подвигъ, онъ послѣ общаго ихъ превращенія во французскихъ солдатъ,—и даже еще раньше, во время частной подготовки ихъ къ такому шагу,—естественно сталъ ихъ учителемъ въ томъ дѣлѣ, которое имъ было чуждо и несродно, ему же извѣстно въ профессиональномъ совершенствѣ. Когда же скоро онъ былъ произведенъ во французскій офицерскій чинъ и сталъ ближайшимъ начальствомъ для своей русской группы, то бывшіе товарищи нашли въ подобномъ командирѣ заботливѣйшаго попечителя, стремившагося всячески облегчать для нихъ тягости и опасности службы въ извѣстномъ «иностранномъ легіонѣ», куда по явному недоразумѣнію первоначально были зачислены наши добровольцы. Естественно, что онъ при этомъ зналъ, какъ никто другой, всю внѣшнюю и внутреннюю ихъ жизнь, которая и составляла долго единственное содержаніе его назначенныхъ для русской печати писемъ. Писанныя урывками, то съ передовыхъ позицій,—изъ тѣхъ траншей, которыя заслужили себѣ имя «траншеи смерти»,—то изъ палаты госпиталя, куда привела автора полученная въ этихъ траншеяхъ рана, то изъ казармъ въ тылу или съ мѣста, случайно посѣщеннаго при отпускѣ или командировкѣ, они не представляютъ собой, конечно, сколько-нибудь исчерпывающей исторіи русскаго волонтерства,—тѣмъ болѣе, что авторъ во многомъ связанъ былъ и внѣшними условіями, въ которыя война поставила печать. Но когда позже,—по предсказанію В. Г. Короленко,—исслѣдователи нашей общественности «съ сочувственнымъ вниманіемъ остановятся надъ этой трагедіей русской скитальческой души, мятущейся въ разнообразныхъ исканіяхъ правды», настоящий сборникъ, конечно, будетъ причисленъ ими къ драгоцѣннѣйшимъ матеріаламъ именно потому, что онъ даетъ не обобщенія, составленныя въ уединеніи кабинета, а эпизоды, занесенные спѣшно на памятные листки въ самомъ пылу кровавыхъ

трагическихъ событій, и обвѣянные горячимъ дыханіемъ жизни.

Но авторъ не остался только лѣтописцемъ волонтерства. Невиданная, несравнимая ни съ чѣмъ по грандіозности и сложности война, въ которой судьба заставила его принять участіе, въ концѣ-концовъ, сама не могла не захватить властно его вниманія различными своими сторонами. И здѣсь опять-таки невозможно не признать, что авторъ при наблюденіяхъ своихъ находился въ рѣдкомъ положеніи. При компетентности, какую сообщало его взгляду его профессиональное образованіе, онъ за тѣ мѣсяцы, которые проводитъ на войнѣ, видѣлъ столько, какъ это дано было немногимъ. Онъ самъ подчеркивалъ это въ томъ же своемъ письмѣ, которое вызвало мое участіе въ изданіи настоящей книги. «Видѣлъ я французскую армію и какъ солдатъ, и какъ офицеръ, и въ пѣхотѣ («легіонѣ»), и въ кавалеріи, и на фронтѣ, и въ депо, и во Франціи, и въ Македоніи, и въ кавалерійскомъ штабѣ, и въ пѣхотномъ; словомъ, изучилъ ее за 18 мѣсяцевъ, какъ нельзя лучше, и, конечно, вынесъ чувство глубочайшаго уваженія какъ къ доблести французовъ, такъ и къ необычному демократизму даже такихъ, казалось бы, недемократическихъ учреждений, какъ армія». Авторъ, однако, наблюдалъ не только армію. Онъ зорко схватывалъ войну, какъ цѣлое, слѣдя и за военной техникой, и за душевнымъ состояніемъ участниковъ борьбы, описывая и переживанія фронта, и заботы тыла. Попавъ же съ французскимъ экспедиціоннымъ корпусомъ въ предѣлы Македоніи, онъ далъ и рядъ прочувствованныхъ очерковъ природы и людей въ этой «странѣ печали и смерти», разбитой огнемъ прошлой и нынѣшней войны. По этимъ военнымъ и связаннымъ съ войной бытовымъ сюжетамъ въ печати и воюющихъ и нейтральныхъ странъ, конечно, появились за два года цѣлыя горы очерковъ и корреспонденцій.

И все же письма автора среди них занимают довольно исключительное мѣсто. Тамъ подаетъ обыкновенно свой голосъ резонирующий посторонній наблюдатель; здѣсь говоритъ непосредственный участникъ, что придаетъ его повѣствованію особо захватывающій характеръ.

Отмѣчу въ заключеніе, что, несмотря на внѣшнее разнообразіе темъ, настоящій сборникъ дышитъ глубокимъ внутреннимъ единствомъ. Онъ долженъ считаться «волонтерскимъ» не только потому, что крупную его долю образуютъ статьи о волонтерахъ, но также потому, что и въ другихъ его частяхъ онъ весь проникнутъ тѣми настроеніями, которыя легли въ основу волонтерства,— что онъ съ начала до конца написанъ рукою искреннѣйшаго и убѣжденнѣйшаго волонтера. «Война противъ войны» для этого отважнаго и талантливаго военнаго—не пустое слово.

Условія сношеній между Москвою и Салониками заставили меня при составленіи сборника вполне использовать выданную мнѣ авторомъ *carte blanche*. И выборъ, и расположеніе статей, и кое-какія внесенныя въ нихъ сокращенія всецѣло остаются на моей отвѣтственности. Первоначально всѣ эти статьи были напечатаны въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», кромѣ разсказа «Гюставъ Любень», заимствованнаго изъ «Ежемѣсячнаго Журнала», а также выдающагося не только по объему очерка «Волонтеръ», печатавшагося съ рукописи, присланной для настоящаго изданія.

Н. Сперанскій.

РУССКІЕ ВОЛОНТЕРЫ
ВО ФРАНЦУЗСКОЙ АРМІИ.

Объявление войны.

Въ іюлѣ 1914 года мы приѣхали въ Henday-Plage. Солнце, безконечный океанъ, набѣгающій голубыми волнами на песокъ пляжа, отроги Пиренеевъ... Вечеромъ на испанской сторонѣ загорѣлись огни Фуэнтерраби, конусообразнымъ амфитеатромъ поднимающейся изъ залива. Нарядная толпа купальщиковъ, купальщицъ, царство дѣтей, музыка... Все тихо, красиво и мирно. И хотя газеты говорили о неизбежности европейской войны, хотя въ банкахъ уже не выдавали ни золота, ни серебра, никто, казалось, не чувствовалъ ея возможности. За послѣдніе годы французы привыкли ко всевозможнымъ запугиваніямъ и извѣрились въ нихъ.

На другой день, около 4-хъ часовъ пополудни, я поѣхалъ въ Henday-Ville, лежащій на испанской границѣ, километрахъ въ двухъ отъ пляжа.

«Объявление войны Германіей Россіи!»—кричали мальчишки-газетчики. Около вокзала толпа басковъ внимательно слѣдила за коммунальнымъ офицеромъ, наклеивающимъ на стѣну указъ о мобилизаціи.

— Ça y est, всеобщая мобилизація!

Я побѣжалъ отыскивать начальника станціи, чтобы узнать часъ отхода послѣдняго поѣзда на Парижъ. Вѣдь теперь все должно было измѣниться, перейти въ руки военныхъ властей. Онъ былъ гдѣ-то на путяхъ.

— Идемъ вмѣстѣ,—предложилъ мнѣ желѣзнодорожный служащій,—я его тоже ищу. Надо, чтобы онъ меня нынче же отпустилъ, завтра я долженъ быть въ Шербургѣ. Я—запасный матросъ. А вы?

— А я—русскій офицеръ.

— Ah, c'est bien, par exemple. Руку, союзникъ...

Послѣдній поѣздъ отходилъ въ 9 час. вечера.

Когда я подѣзжалъ къ отелю, по улицамъ шла небольшая процессія. Куча дѣтишекъ и впереди своеобразный муниципальный герольдъ. Онъ билъ изо всѣхъ силъ въ барабанъ, а потомъ громко выкрикивалъ указъ о мобилизації. Населеніе выслушивало новость молча.

Въ партерѣ хозяинъ гостиницы, человѣкъ лѣтъ подъ сорокъ, спѣшно укладывалъ свои пожитки. Онъ—сержантъ запаса и торопился въ полкъ, куда-то на границу Германіи. Принялся укладываться и я.

Поѣздъ былъ биткомъ набитъ. Много резервистовъ, возвращавшихся изъ Испаніи; еще больше ихъ сидѣло на станціяхъ, гдѣ мы останавливались на нѣскольکو минутъ, захватывали ихъ и неслись на сѣверъ, такой близкій и вмѣстѣ съ тѣмъ далекій, отрѣзанный отъ насъ неизвѣстностью «сѣверъ». Что дѣлалось на немъ? Можетъ-быть, уже началась знаменитая «attaque brusquée»?

И все купэ, весь вагонъ, весь поѣздъ говорили, говорили безъ конца, говорили всю ночь напролетъ, все объ одномъ и томъ же,—о проклятой, безпощадной европейской войнѣ.

Были какіе-то банковскіе дѣльцы, депутатъ въ черномъ, выложенные маменькины сынки,—запасные кавалерійскіе офицеры,—комми-вожеры, крестьяне, и я не знаю еще кто,—люди всѣхъ классовъ и состояній, влѣзавшіе со своими вещами въ первый попавшійся вагонъ и стремившіеся на сѣверъ. И всѣ кляли войну, кляли затѣявшую ее Германію, и никто, зная, что она

неизбѣжна, не хотѣлъ, не могъ повѣрить въ эту неизбежность.

Только здѣсь всѣмъ своимъ существомъ въ этотъ потрясающій и разнуздывающій моментъ начала войны я понялъ то, что предполагалъ теоретически,—безконечное миролюбіе Франціи.

Около полуночи пронеслось: убить Жоресъ!.. Какъ, почему? Тайна... Но всѣ сразу рѣшили, что великій трибунъ палъ жертвой «un déséquilibré»,—помѣшаннаго,—и въ этомъ согласномъ, не допускавшемъ иныхъ возможностей приговорѣ сквозило національное единеніе передъ общей бѣдой.

... Ночь близилась къ концу. Въ предразсвѣтной туманности неясно намѣчались контуры небольшихъ обгоняемыхъ поѣздомъ отрядовъ. Они шли важнымъ, медлительнымъ шагомъ пожилыхъ людей, со старинными ружьями на плечахъ, одѣтые въ бѣлые, полотняные «траи» и красно-синія кепи. Во всѣхъ направленіяхъ, со всѣхъ сторонъ тянулись эти бѣлые отряды, уже успѣвшіе выставить сѣдыхъ часовыхъ на мостахъ, на вокзалахъ, вдоль путей. Старая «garde-voie» охраняла дорогу, по которой на защиту Франціи, на помощь ея молодежи, грудью заслонившей границы, неслись свѣжія силы. И было что-то безконечно трогательное и величественное въ этихъ бѣлыхъ фигурахъ старыхъ солдатъ, въ предразсвѣтномъ туманѣ надвигающагося дня уже занявшихъ свои посты. Это были первые символы поднявшейся Франціи...

Парижъ,—торжественный и серьезный,—не осквернилъ себя, какъ и вся Франція, вакханаліей воинствующихъ манифестацій. Чувство ненависти къ переступившему всѣ законы врагу вылилось позднѣе, послѣ поруганія германцами Бельгіи, въ нехорошемъ припадкѣ подонковъ улицы, разгромившихъ нѣмецкіе магазины. Но воинствующихъ, торжествующихъ, шовинистическихъ конвульсій городъ Свободы не зналъ.

Одна прекрасная и великая процессія прошла по его улицамъ. Франція хоронила своего генія мира, пламеннаго Жореса. И въ безчисленной толпѣ, въ глубокомъ молчаніи слѣдовавшей за его останками,—въ толпѣ, объединившей всѣхъ, отъ премьеръ-министра до синдикалистовъ и анархистовъ, въ толпѣ, надъ которой рѣяли красныя знамена, въ толпѣ, объятай скорбью по сраженномъ геніи и гнѣвомъ передъ нашествіемъ врага,—родилось и горѣло то прекрасное чувство свободаго патриотизма, свободаго народа, которое такъ удивительно вѣрно опредѣлили усопшій.

«Vive Jaurès!»—кричала толпа, когда гробъ, окруженный небольшою группою близкихъ людей и делегацій, разлучился съ нею и черезъ Сену двинулся къ вокзалу набережной Orsay.

«Vive Jaurès! Жоресъ, поборникъ права, мира и справедливости»,—съ этимъ кличемъ Франція вступала въ жестокую, навязанную ей войну. Этотъ кличъ, претворенный во вдохновенныя импровизаціи въ устахъ Вивіани и Дешанеля, облетѣлъ всю страну, всѣ самыя глухіе закоулки ея, въ которые только могъ проникнуть муниципальный или коммунальный расклещикъ афишъ Французской республики.

Запись въ волонтеры.

Среди массы добровольцевъ, предложившихъ свои услуги Французской республикѣ, едва ли не самой любопытной группой является отрядъ русскихъ эмигрантовъ. Война, охватившая почти всю Европу, поставила сложный и тяжелый вопросъ «какъ быть?» передъ оторванными отъ родины русскими. Вопросъ этотъ былъ ими рѣшенъ по-разному. Кто предложилъ свою помощь въ видѣ медицинскаго персонала, кто въ видѣ рабочихъ рукъ, кто принципиально остался въ сторонѣ. Кромѣ того, въ средѣ парижской русской колоніи нашлась группа лицъ, рѣшившая, что необходимо съ оружіемъ въ рукахъ выйти на защиту Франціи. Эта сравнительно малочисленная группа быстро увеличилась новыми членами и уже 16-го августа н. ст., заручившись французскимъ инструкторомъ изъ запасныхъ капраловъ, начала военныя занятія. Мѣстомъ этихъ занятій было помещеніе кинематографа на rue Tolbiack, любезно предоставленное мэріей этого округа. Кромѣ инструктора-француза, обученіемъ волонтеровъ занимались два русскихъ эмигранта, служившихъ раньше офицерами въ русской арміи и знавшихъ французскіе уставы. Обученіе велось на всѣхъ парахъ, и къ 22-му августа, дню записи волонтеровъ, 120 человѣкъ членовъ группы знали всѣ необходимыя простѣйшіе военныя приемы.

Составъ группы былъ самый пестрый. Большая

часть—эмигранты, но присоединился кое-кто и из легальных русских; по политической окраскѣ тутъ представлены были всѣ разновидности нашихъ лѣвыхъ партій, до анархистовъ включительно; по роду занятій—рабочіе, студенты, писатели, художники; по происхожденію—великоруссы, малоруссы, поляки, евреи, грузины, эстонцы и даже одинъ болгаринъ.

Среди массы волонтеровъ, запрудившихъ Place des Invalides, гдѣ производилась запись, эта горсточка людей производила самое благопріятное впечатлѣніе какъ своимъ внѣшнимъ видомъ, такъ и бросавшейся въ глаза внутренней дисциплиной и нѣкоторымъ знаніемъ военного строя, хотя въ ея средѣ было не больше 15-ти человекъ, служившихъ раньше въ арміи. Пройдя черезъ медицинскій осмотръ, группа была зарегистрирована въ рекрутскомъ бюро. Окончательный составъ ея послѣ осмотра опредѣлился въ 81 человекъ, и завѣдующій наборомъ полковникъ любезно согласился послать ее, чтобы не разбить единства, въ *dépôt*, гдѣ не было другихъ русскихъ отрядовъ. Такимъ мѣстомъ явился Орлеанъ. Бывшіе русскіе офицеры, записавшіеся со своими товарищами штатскими тоже простыми солдатами, получили приказъ на другой же день отвести къ мѣсту службы группу.

Прибывъ въ Орлеанъ, группа русскихъ эмигрантовъ произвела отличное впечатлѣніе своей организованностью не только на мѣстное начальство, но и на население и мѣстную прессу. Всѣ назначенные въ Орлеанъ волонтеры другихъ національностей были распределены по сержантамъ-инструкторамъ, по 46 человекъ на каждого. Исключеніе было сдѣлано для русскихъ: ихъ всѣхъ 81 человекъ назначили къ одному сержанту, фактически же все дѣло обученія оставили въ рукахъ обоихъ товарищей-офицеровъ.

Черезъ нѣсколько времени рѣшено было выбрать изъ волонтеровъ всѣхъ раньше служившихъ въ иностран-

ныхъ арміяхъ, пополнить ихъ кадрами, пришедшими изъ Африки (иностранный легіонъ), и такимъ образомъ составить батальонъ первой очереди. И опять-таки исключеніе было сдѣлано для русской группы. Ея дисциплинированность и сплоченность побудили французское начальство не разбивать ея, а, наоборотъ, *цѣликомъ* включить въ одну изъ ротъ батальона первой очереди, хотя, какъ выше было сказано, въ группѣ было не больше 15-ти человѣкъ бывшихъ солдатъ. Товарищи-офицеры, произведенные къ этому времени въ сержанты, перешли вмѣстѣ съ группой въ первую роту. По счастливой случайности въ этой ротѣ оказался среди старыхъ легіонеровъ одинъ сержантъ и одинъ капраль, русскіе по происхожденію, и, такимъ образомъ, въ каждомъ взводѣ получилось русское начальство и явилась возможность объясненія упражненій на русскомъ языкѣ. Къ этимъ 81 человѣкамъ прибавлено было еще около 20—25 русскихъ, бывшихъ солдатъ, пришедшихъ въ *dépôt* позднѣе, и въ ротѣ образовалось дружное русское ядро, значительно превосходящее другія національности. Забавно и трогательно было слышать, какъ капраль-легіонеръ, раньше критически относившійся къ новымъ питомцамъ, съ гордостью хвастался своимъ отдѣленіемъ: «О, у меня въ отдѣленіи есть одинъ депутатъ первой Думы Опірко, есть докторъ, есть художникъ, есть студенты».

Несмотря на холодное и дождливое время, вовсе не годное для лагерного времяпрепровожденія, несмотря на долгіе марши съ полной выкладкой (около двухъ пудовъ) въ *цѣляхъ* тренировки, группа отлично справилась съ военной премудростью и къ концу перваго мѣсяца въ составѣ первоочереднаго батальона двинулась на передовыя позиціи. Къ этому времени товарищи-офицеры были произведены—одинъ въ лейтенанты, съ оставленіемъ въ ротѣ, и другой—въ капитаны (не по русскимъ чинамъ), съ отчисленіемъ въ *dépôt*.

Въ походѣ.

Солнце спускалось къ западу. Легіонъ, сдѣлавъ послѣдній привалъ, подходилъ къ Ля-Феръ-Шампенуазъ. Это—нашъ первый переходъ на пути къ передовымъ позиціямъ. И хотя пройдено не Богъ вѣсть какое разстояніе, люди съ непривычки утомились. Однако къ мѣстечку головная рота подходитъ съ пѣснями.

Головная рота сегодня—наша. Впереди первой секціи легко идетъ Лессеръ, самый старый лейтенантъ французской арміи. Онъ со дня на день ожидаетъ производства въ капитаны и душою уже не съ нами. За нимъ переваливается сержантъ Гюнтеръ, рыжій, толстый, красный «африканскій крабъ», «дѣлающій» въ легіонѣ свой пятнадцатый годъ. Добродушный эльзасецъ то и дѣло приглаживаетъ усы и прикладывается къ баклагѣ съ виномъ. Секція Лессера тщетно пытается завести пѣсню. У нея никогда ничего не выходитъ изъ-за слишкомъ разнообразнаго состава пѣвцовъ. Тутъ эльзасцы, бельгійцы, испанцы, три русскихъ еврея, одинъ нѣмецъ и старые легіонеры,—народъ по большей части не пѣвучій. Дѣло кончается протяжной пѣсенкой, которую громко выводитъ испанецъ Мора:

Моя невѣста мнѣ сказала, что не любитъ меня,
Потому что лицо у меня грязное!

А!.. если лицо мое грязное, сердце у меня чистое...

И потомъ не даромъ говорятъ люди, что самый блестящій брилліантъ
Рождается изъ грязнаго угля...

У меня во второмъ взводѣ насчетъ пѣнія гораздо лучше. Но составъ взвода располагаетъ къ постоянной борьбѣ двухъ теченій. Въ немъ почти поровну настоящихъ легіонеровъ, забубенныхъ африканскихъ головушекъ, и русскихъ волонтеровъ, не говорящихъ по-французски. Счастливый случай свелъ въ одной секціи меня и сержанта «Коко», когда-то проштрафившагося русскаго офицера, вотъ ужъ восемь лѣтъ, какъ поступившаго подъ вымышленной фамиліей простымъ солдатомъ въ легіонъ. Потому во вторую секцію и собрали нашихъ не говорящихъ по-французски компатріотовъ. Все обученіе ведется на двухъ языкахъ: русскомъ и французскомъ. На двухъ языкахъ пробуетъ вестись и пѣніе, но, надо сказать правду, въ этой области царить французское засилье. «Вдоль да по рѣчкѣ», несмотря на отчаянныя усилія безбожно фальшивящаго запѣвалы-крикуна, проваливается, и легіонеры, натѣшившись фіаско русскихъ, запѣваютъ «маршъ второй секціи». Черный, нагловатый капралъ Бодуэнъ, бывший сыщикъ и торговецъ живымъ товаромъ, купѣ съ бѣлобрысымъ Бурильономъ, предложеннымъ къ разжалованью за кражу спичечницы у товарища, набравъ въ себя воздуха, съ вызовомъ выбрасываютъ начальныя фразы:

Вильгельмъ проклятый разбойникъ,
Коронованный апашъ...

и заканчиваютъ обѣщаніемъ освѣжевать его, «какъ свѣжую свинью». Секція дружно подхватываетъ припѣвъ: «Это изъ-за свободы міра мы сражаемся». Припѣвъ поютъ и выучившіе его наизусть русскіе.

Иное дѣло—третья секція. Она на три четверти русская; и здѣсь вопроса не можетъ быть о французскихъ пѣсняхъ. Разудалый солдатъ Топельбергъ затягиваетъ «Дуню», заливаясь подголоскомъ Сергѣй Борода, сосредоточенно гудитъ Степанъ Николаевичъ Слетовъ,

черезъ силу подпѣваетъ ослабѣвшій русскій итальянецъ Дель-Перуджіо, дружно вторитъ весь взводъ, включая и французовъ. И даже чернобородый «адъютантъ» Доффэнъ мурлычетъ подъ-нось: «Пойдіѣмъ, пойдіѣмъ, Дуніа»...

Главные артисты въ четвертой секціи. Въ ней подобались молодецъ къ молодцу. Рослые, плечистые, сплошь русскіе,—они не ударили бы въ грязь лицомъ на правомъ флангѣ гвардейскаго полка. Тодосковъ, Онипко, Богушко, Эккъ, Соколовъ, Харитоновъ,—вся первая «эскада» головой выше остальной роты. И поютъ здѣсь прекрасно. За сердце хватаетъ прочувствованный теноръ Яковлева, порой весь хоръ покрываетъ густой басъ Экка, и свободная русская пѣсня широко несется подъ небомъ Шампани. Заслушался ротный капитанъ Тортель.

— Хорошо поютъ ваши русскіе,—говоритъ онъ мнѣ.—О чемъ они поютъ?

О чемъ? О своемъ: «На бой кровавый, святой и правый»... Но какъ подходить эта пѣсня къ сегодняшнему дню!

Вотъ и Ля-Феръ-Шампенуазъ. Легіонъ подтягивается. «Смирно»,—кричитъ начальство; сержанты подсчитываютъ: «Разъ, два, разъ, два»; горнисты трубятъ въ задымленные трубы пѣхотный маршъ:

Одно су въ день,

Десять су въ прэ... (прэ—десять дней; срокъ выплаты жалованья).

и легіонъ молодецкато входитъ въ мѣстечко. Насъ встрѣчаетъ сначала «кампманъ»,—нарядъ по расквартированію,—а потомъ и населеніе. Капраль-фурье съ продавленнымъ носомъ разводитъ первую роту по отведеннымъ ей сараямъ и чердакамъ.

На небѣ уже замерцали звѣзды, когда Тортель, Лесеръ и я, обойдя всѣ помѣщенія нашего участка, вы-

шли на главную улицу и отправились блуждать по мѣстечку. Еще недавно оно было занято нѣмцами, и Лессеръ съ нетерпѣніемъ стремится увидѣть слѣды разгрома. Онъ ненавидитъ отъ всего сердца «бошей» и страшно удивленъ, не встрѣчая ожидаемаго зрѣлища.

Въ мелочной лавкѣ бойкая хозяйка совершенно разочаровываетъ Лессера.

— Въ моемъ домѣ,—трещить она,—были на постоѣ три офицера. Два молодыхъ и старый. Молодые платили золотомъ и держали себя очень любезно, а старый безъ конца ворчалъ и за все норовилъ дать полцѣны. Видно, у него семья большая...

— Гм,—издаетъ Лессеръ,—можно сказать, что эти свиньи вели себя по-рыцарски....

— Вотъ именно,—подхватываетъ лавочница,—очень, очень мило. Солдаты смѣшные, все насъ увѣряли: «Парисъ — тридцать километрофъ. Послѣ сафтра — Парисъ»,—и на пальцахъ показывали тридцать. А когда мы имъ разъяснили, что до Парижа еще добрыхъ сто тридцать километровъ, не хотѣли вѣрить: «Непрафта, непрафта»,—и махали руками.

— А, каналы,—хохочетъ Лессеръ,—здорово имъ начальство втерло очки. Но все-таки, неужели же они ничего не пограбили?

— Ну, этого сказать нельзя. Тѣ, кто скрылся передъ ихъ приходомъ, немного нашли, воротясь домой. Особенно въ погребахъ съ шампанскимъ.

— Гм,—мычитъ «самый старый лейтенантъ французской арміи».—Вы знаете, мой капитанъ,—обращается онъ къ Тортелю,—я не разъ вспомню то, что видѣлъ сегодня, когда мы войдемъ въ Германію. Они не такіе ужъ разбойники, по крайней мѣрѣ, не всѣ.

— Чѣмъ можно объяснить приличное поведеніе нѣмцевъ?—спрашиваетъ Тортель.

— О,—вмѣшивается въ разговоръ сѣдой госпо-

динъ,—многимъ. Во-первыхъ, начальствомъ. Командиръ проходившаго черезъ Ля-Ферь корпуса, говорятъ, отдалъ строгій приказъ. Почему онъ его отдалъ? Можетъ быть, оттого, что онъ—порядочный человѣкъ; можетъ быть, въ надеждѣ на скорое взятіе Парижа,—чтобы зря не раздражать населеніе и не разрушать богатой «завоеванной» провинціи, а, можетъ быть, не желая нарушать нѣмецкихъ интересовъ. Вѣдь вся Шампань кишмя-кишѣла до войны ихъ торговыми фирмами и помѣстьями.

— Что правда, то правда, господинъ докторъ,—поддакиваетъ старику хозяйка,—нѣмцы насъ завоевали еще до войны.

Мы раскланиваемся и выходимъ.

Съ далекаго безоблачнаго неба свѣтила полная луна. Въ чистомъ воздухѣ четко вырисовывались, словно безконечные ряды ружейныхъ козелъ, виноградныя подпорки на ближнихъ холмахъ. По освѣщеннымъ улочкамъ сновали солдаты и жители, куда-то вели муловъ, выѣзжалъ запоздавшій обозъ и медленно проходили патрули. На большой дорогѣ, у околицы, Лессеръ прочелъ: «Vertus, двадцать пять километровъ».

Это нашъ завтрашній переходъ.

— Ха-ха-ха... Добродѣтели! Ну, и удружили же. Первый разъ въ жизни, а мнѣ добрыхъ 35 лѣтъ, я замарширую по пути добродѣтелей...

— Въ самомъ дѣлѣ, это занятно видѣть васъ, Лессеръ, на такой необычной дорогѣ. Вы—добрый малый, но...

— Во всякомъ случаѣ, мой капитанъ, не слишкомъ напирайте. Добродѣтели, ха-ха-ха!

— Однако, господа, не пора ли намъ обѣдать,—подать и я свой голось.

Мы поворачиваемъ и идемъ обратно.

— Иногда меня охватываетъ стремленіе къ философіи,—начинаетъ неугомонный лейтенантъ,—особенно въ такіе вечера и особенно при мысли о добродѣтеляхъ.

Я вѣдь—старый легіонеръ, прошедшій насквозь Марокко, Алжиръ и пустыню и въ итогъ хорошо пожившій. И что же, знаете, къ какому я пришелъ выводу? Первое: добродѣтели, это—свободное отъ Бога и чорта существованіе, такое, какое вамъ подсказываетъ ваше сердце и разумъ. А такъ какъ сердце и разумъ людей имѣютъ въ своей основѣ много общаго, то и добродѣтели для человѣчества, стоящаго на одномъ уровнѣ развитія, тоже общи...

— Вы тутъ что-то смѣшиваете, мой другъ: существованіе, добродѣтели...

— Э, мой капитанъ, не придирайтесь къ словамъ. И потомъ вопросъ о смерти. Для меня его не существуетъ. Что такое смерть? Раствореніе въ природѣ,—вонъ въ тѣхъ звѣздахъ, поляхъ, виноградникахъ.

Гдѣ я слышалъ то же исповѣдываніе своеобразнаго пантеизма? Что-то неуловимо знакомое во всей обстановкѣ, въ этой ночи, въ собесѣдникахъ... То было давно, въ Крыму; молодой русскій офицеръ въ такую же звѣздную, синюю ночь говорилъ мнѣ такія же слова у подножія покрытыхъ виноградниками склоновъ, а вдалекѣ шумѣло море. И еще слышалъ я ихъ отъ Вани Воейкова, поручика резервнаго полка, въ далекой,—ахъ, какой далекой!—Маньчжуріи. Отошла битва, схоронили мертвыхъ, и въ синюю-синюю, звѣздную ночь, собравшись въ кругъ, пѣла охотничья команда любимую пѣсню:

Завтра можетъ въ эту пору
Насъ на ружьяхъ понесутъ
И, собравшись дружнымъ хоромъ,
Память вѣчную споютъ...

— Ну, что-жъ, братъ, помирать, такъ помирать,—задумчиво говорилъ Воейковъ.—«Земля еси и въ землю отыдеша», разойдешься по степи, по горамъ, по звѣздамъ.

— А затѣмъ,—продолжаетъ Лессеръ,—главное—темпераментъ. Разъ ваши понятія установлены, все остальное зависитъ отъ него. У меня темпераментъ веселый и жизнь моя веселая, и ужъ я - то ее не омрачу всякими благоглупостями. А потому умирать буду тоже весело, съ музыкой. *A la française.*

— Вы, мой другъ, настоящій философъ,—говоритъ Тортель,—хотя и оптимистъ.

Ну, вотъ, мы у цѣли.

Дѣйствительно, передъ нами — ресторанъ «Святого Мартина», рекомендованный господамъ офицерамъ.

Разбитыя стекла оконъ, сорванные ставни и двери еще снаружи предупреждали, что «Святой Мартинъ» подвергся нерыцарскому обращенію со стороны пруссаковъ. Расколотыя зеркала, изломанная мебель, поцарапанныя стѣны внутри. Тѣмъ не менѣе отель кипѣлъ лихорадочной жизнью, и ни въ одной изъ трехъ залъ мы не нашли мѣста. Офицеры заполнили всѣ столы. Между ними, обливаясь потомъ, шмыгали два лакея-мальчишки и красивая, полная дама,—хозяйка гостиницы.

— Лакомый кусочекъ,—проронилъ Лессеръ и даже глаза зажмурилъ отъ удовольствія, созерцая хозяйку.

Она, наконецъ, обратила на насъ вниманіе.

— Ахъ, господа офицеры, что мнѣ съ вами дѣлать? У меня нѣтъ совершенно мѣста. Если позволите, я накрою вамъ на кухнѣ.

— О, мадамъ,—загалантничалъ Лессеръ,—ваше софдство вознаградить насъ съ избыткомъ...

— Только я должна васъ предупредить,—вина не ждите. Нѣмцы все выпили. Мы сдѣлали глупость, скрылись передъ ихъ приходомъ, и вотъ, видите, въ какое состояніе привели эти собаки нашъ домъ.

Однако на кухнѣ дымъ стоялъ коромысломъ, и нечего было думать устроиться тамъ съ ужиномъ.

— Впрочемъ, гдѣ же моя голова,—хлопнула себя по лбу хозяйка.—Вѣдь вы можете отлично поужинать въ задней комнатѣ, въ очень хорошемъ обществѣ...

— Главное, чтобы оно было веселое,—перебилъ Лессеръ.

Хозяйка переглянулась съ лысымъ мужемъ, ничего не отвѣтила и открыла дверь въ задней стѣнѣ кухни. Мы вошли въ небольшую комнату, почти цѣликомъ за-полненную столомъ. Вокругъ него сидѣло нѣсколько мужчинъ и женщинъ, довольно оживленно разговари-вавшихъ между собой.

— Добрый вечеръ, господа!—раскланиваясь на всѣ стороны, сказалъ Тортель.

— Такъ неожиданно и пріятно встрѣтить въ зонѣ арміи штатское общество,—началь трещать Лессеръ и остановился въ ожиданіи реплики. Ея не послѣдовало. Сидѣвшіе за столомъ наклонили головы въ знакъ при-вѣтствія, и мы усѣлись среди полного молчанія, не-много обезкураженные ледянымъ приѣмомъ.

— Однако,—шепнулъ Лессеръ,—что за странная ком-панія? Можно подумать, что мы на похоронахъ.

Дѣйствительно, въ тускломъ свѣтѣ керосиновой лам-пы это общество выглядѣло нѣсколько необычно. Что-то общее легло на усталыя лица стариковъ, старухъ и молодыхъ женщинъ. И даже въ одеждѣ ихъ было что-то общее.

— Zut! Всѣ въ черномъ,—продолжалъ теперь мой коллега.—Прекрасный вечеръ сегодня, въ такое время даже воевать весело,—громко заговорилъ онъ въ про-странство.

Никто не поддержалъ разговора. Хозяйка внесла супъ. Всѣ застучали ложками.

— Чортъ,—снова шепнулъ Лессеръ,—мы кажется по-пали на сѣверный полюсъ.

Справа отъ меня—толстый, сѣдой господинъ, похо-

жій на банкира. Отъ старости руки у него дрожать и заливаютъ супомъ длинную бороду. Въ промежуткахъ между ѣдой онъ складываетъ руки на животъ и громко-громко вздыхаетъ. Рядомъ съ нимъ—женщина среднихъ лѣтъ съ жилистыми, огрубѣвшими на работѣ руками, съ неподвижнымъ лицомъ задумавшейся крестьянки, въ шляпѣ съ гроздью винограда изъ черного стекляруса. Дальше—молодая, изящная дама, блѣдная и надломленная, въ роскошномъ траурѣ съ rue de la Paix. Около нея—бонна съ годовалымъ ребенкомъ. Мальчонка заливается яркимъ смѣхомъ и вызываетъ громкое одобреніе Лессера. За бонной—небольшой, пожилой господинъ, очень нервнаго вида, съ синими прожилками на лицѣ, со свороченнымъ набокъ носомъ. Ему невтерпежъ наступившее молчаніе, и онъ первый возобновляетъ разговоръ.

Разговоръ ихъ страненъ и непонятенъ намъ. Несомнѣнно только было одно: что этихъ людей связывали какіе-то общіе интересы, сопряженные съ поѣздками въ разные концы департамента.

— Ну, что, мадамъ,—спрашиваетъ блѣдную даму нервный господинъ,—нашли вы себѣ что-нибудь?

— Нѣтъ, мосье Базенъ, я цѣлый день ѣздила и ничего не нашла. Все сто пятьдесятъ первый, сто пятьдесятъ первый,—безъ конца.

— А вамъ какой нужно?—спрашиваетъ съ противоположнаго конца сухенькій, сѣдой, какъ лунь, старичокъ.

— Мнѣ сто сорокъ седьмой...

— Такъ это же въ сторонѣ Конантра. У самой рѣчки, передъ мостомъ, я сегодня видѣла не меньше десяти,—вмѣшивается крестьянка съ неподвижнымъ лицомъ.

— Завтра же ѣду туда, вотъ спасибо вамъ большое,—съ радостью говоритъ блѣдная дама.—Можетъ быть, мнѣ повезетъ, какъ мосье Ру. Онъ совершенно

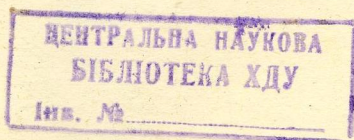
случайно нашелъ свою по дорогѣ въ Кургансинѣ. И былъ такъ радъ. Вы подумайте, онъ уже цѣлый мѣсяцъ ищетъ повсюду, а тутъ случайно у самой дороги.

Лессеру невтерпежъ. Онъ наклоняется къ сосѣду и тихонько спрашиваетъ: «Нельзя ли узнать, что ищутъ эти мадамъ и мосье?»

— Видите ли,—глухимъ басомъ громко объясняетъ старикъ,—въ тылу армій родные имѣютъ право разыскивать могилы своихъ убитыхъ. Ну, около Ля-Феръ происходили горячіе бои. Вотъ мы, родственники солдатъ дивизіи, дравшейся въ окрестностяхъ, избрали Ля-Феръ отправнымъ пунктомъ. Отсюда мы разѣзжаемся каждый день во всѣ концы, осматриваемъ поля, опушки, деревни, ручьи, по которымъ проходила линія фронта, разспрашиваемъ жителей, разыскиваемъ всѣ могилки. По вечерамъ дѣлимся видѣннымъ другъ съ другомъ и, случается, находимъ дорогія могилы...

— Какой ужасъ!—невольно вырвалось у капитана.

— Ужасъ, ужасъ, мосье,—подхватилъ нервный господинъ.—Вы бы видѣли, что было послѣ битвы въ окрестностяхъ Парижа, когда нѣмцы повернули на Марну. Я разыскивалъ тогда своего перваго сына... О, господа, что это было! Яркое солнце и ряды труповъ. Все поле въ трупахъ, рощи въ трупахъ, деревни разбитыя, снесенныя до основанія, покрытыя трупами. Направо, налѣво, позади, спереди,—всюду мертвые, мертвые безъ конца. Ихъ и наши. И вы знаете, самое страшное было—эти проклятые, красные штаны... Видѣть ихъ не могъ. Горятъ на солнцѣ, и всюду, куда ни посмотришь,—красное, синее и сѣро-зеленое, перемѣшанное, исковерканное, и все—мертвое. А между ними бѣжали обезумѣвшіе родственники. Женщины наклонялись, переворачивали тѣла и бѣжали дальше. Растрепанныя, съ дикими глазами... А когда находили случайно... Подъ Мо, въ одномъ мѣстѣ, въ узкомъ проходѣ, нѣмецкіе трупы за-

прудили весь проходъ и стояли,—стояли сплошной стѣной. Оттуда, навѣрное, и пошла легенда объ изобрѣтеніи Тюрпена...

— Что же, вы нашли своего сына?—перебилъ его молчаливый господинъ, сидѣвшій въ темномъ углу.

— Нѣтъ,—вздыхнулъ рассказчикъ.—А потомъ правительство опомнилось и запретило эти розыски. Изъ Парижа вытребовали всѣхъ пожарныхъ и саперовъ, чтобы зарыть мертвыхъ...

Обѣдъ подходилъ къ концу. Странное общество разговаривалось окончательно, и только мы молчали, какъ убитые.

— О, чортъ,—промолвилъ Лессеръ, когда мы вышли на залитую луннымъ свѣтомъ, засыпающую улицу,—какая печальная штука—война!

На передовыхъ позиціяхъ.

I.

Я уже рассказывалъ вамъ, какъ нашъ батальонъ двинулся на передовыя позиціи. За время лагерной стоянки мы немного пообчистились отъ больного и слабаго элемента и, уменьшившись количественно, выиграли качественно. Выступленіе въ бой вызвало въ русскихъ взрывъ радости. И интересно было видѣть, какъ восторженный противникъ милитаризма, увязшій по горло въ книгахъ и слабый физически товарищъ Викторъ тянулся изъ послѣднихъ силъ и приставалъ къ намъ съ вопросами: «Хорошій ли я солдатъ? Похожъ ли я на настоящаго солдата?». Солдатъ перваго класса, «продѣлавшій» 14 лѣтъ въ иностранномъ легіонѣ, арабъ Азаріа, принялъ теоретика подъ свое покровительство, ухаживалъ за нимъ, какъ нянька, и съ гордостью говорилъ: «У него—всѣ недостатки и только одно достоинство: онъ не знаетъ страха. Если бы у него было другое ближайшее начальство, его давно бы забраковали, а со мной онъ похожъ на солдата. Только все читаетъ». Дѣйствительно, Викторъ гдѣ-то умудрился достать «Антидюринга» и читалъ его въ самыхъ неудобныхъ для сего положеніяхъ. Теперь, когда Азарію ранили, Виктору стало очень тяжело.

Насъ мало озабочивала кампанія, открытая въ Парижѣ нѣкоторыми лидерами обѣихъ социалистическихъ партій противъ волонтерства. Основныя положенія, толкнувшія насъ впередъ, къ борьбѣ съ бронированнымъ германскимъ кулакомъ, были настолько ясны, общедоступны и, главное, настолько глубоко-человѣчны, что всякіе аргументы «охранителей началъ» вызывали въ насъ только нѣкоторое недоумѣніе и, конечно, не могли ни смутить, ни даже сильно огорчить.

Большой ущербъ дѣлу волонтерства принесла смерть Ф. В. Волховскаго. Старый боецъ съ душою юноши, сохранившій до старости чувство настоящей высшей справедливости и человѣческой морали, наканунѣ своей смерти и наканунѣ войны въ своихъ статьяхъ призывалъ русскихъ встать на защиту маленькой Сербіи, а въ письмахъ, предугадывая грядущій конфликтъ, писалъ, что въ надвигающейся страшной борьбѣ не словомъ, а дѣломъ мы должны испробовать твердость нашихъ убѣжденій въ рядахъ союзныхъ армій.

Однимъ изъ самыхъ совершенныхъ солдатъ у насъ оказался членъ первой Думы Ѳедотъ Михайловичъ Оникко. Начальство сразу выдѣлило образцоваго подчиненнаго. И то сказать, еще за 20 дней до пріема волонтеровъ Оникко началъ свою военную подготовку: спалъ на голомъ полу и ходилъ по 20 километровъ въ утро. Это въ Парижѣ-то!.. Къ сожалѣнію, ему не пришлось проявить свою энергію и поистинѣ нечеловѣческую физическую силу въ настоящемъ бою. Въ траншеяхъ около К.... намъ выпалъ тяжелый денекъ. Нѣмецкіе «чемоданы» (французы ихъ прозвали «grosses marmites») и шрапнели непрестанно рвались у пріотившей насъ опушки лѣса. Сперва это только занимало, «чемоданы» взрывали землю впереди, ломали и валили лѣсъ позади, и въ яркомъ солнечномъ свѣтѣ умирающей осени маленькія, бѣлыя облачка рвущейся шрапнели казались

такими невинными и красивыми. Надъ нами непрестанно рѣяли аэропланы, оставляя за собой свѣтло-дымчатыя ленты, по которымъ нѣмецкая артиллерія и разсчитывала свою стрѣльбу по насъ. Все это было красиво и ново. Солдаты вылѣзали изъ траншей, чтобы посмотреть, гдѣ упалъ снарядъ. Однако, мало-по-малу, огонь сталъ дѣйствительнымъ. Сперва ранило моего взводнаго Болитера, побѣжавшаго подъ снарядами дѣлать указанія часовымъ. Вскорѣ убило въ первомъ взводѣ Летена. Осколокъ снаряда пробилъ грудь и сердце солдата. Я пришелъ посмотреть на него. Онъ лежалъ въ траншеѣ съ полуулыбкой на устахъ, черные усики кверху, кепи на бокъ и какъ будто спалъ. Лицо симпатичное и безконечно спокойное. «Что же,—подумалъ я,—онъ будетъ нашимъ гостемъ». У меня во взводѣ у подножія дуба кѣмъ-то была вырыта настоящая могила. «Вотъ,—сказалъ я, занимая траншею,—если кого-нибудь убьютъ изъ насъ, не надо будетъ работать». Сказалъ Лессеру (командиръ перваго взвода), что покойника можно приютить у меня во второмъ взводѣ, и вечеромъ Летена похоронили у подножія дуба на одномъ уровнѣ съ траншеями и рядомъ съ ними.

Послѣ обѣда ранило осколкомъ въ голову Шлейфера Менделя. Шлейферъ не захотѣлъ итти на перевязочный пунктъ и остался въ строю. Къ вечеру одинъ изъ санитаровъ принесъ извѣстіе, что тяжело раненъ Онипко. Иронія судьбы: исправный солдатъ на минуту замѣшался, будучи назначенъ въ нарядъ по доставкѣ съѣстныхъ припасовъ. Когда товарищи его отошли впередъ, онъ получилъ осколокъ шрапнели, пробившій лѣвое плечо и застрявший въ груди. Соколовъ рядомъ съ нимъ закрылъ лицо рукой, и кусокъ шрапнели оторвалъ ему мизинецъ на лѣвой рукѣ. Когда я пришелъ къ Онипко, моимъ глазамъ представилась поразительная картина. Гигантъ съ обнаженной грудью стоялъ на ко-

лѣняхъ въ траншеѣ и совершенно заполнялъ своимъ могучимъ тѣломъ входную дыру, продѣланную въ потолокъ. Вытащить его оттуда было невозможно,—слишкомъ тяжелъ былъ Ѳедотъ Михайловичъ. «Разойдитесь,—съ трудомъ говорилъ онъ,—скопленіе, скопленіе: вѣдь по васъ стрѣлять будутъ». Кое-какъ пролѣзъ онъ самъ сквозь дыру и сѣлъ на носилки. Носилки сломались. Онипко застоналъ и двинулся впередъ пѣшкомъ. Никогда не забыть мнѣ этого вида. Въ слабомъ свѣтѣ надвинувшихся сумерекъ по горной тропинкѣ двигалась полуобнаженная фигура гиганта,—его размѣры увеличивались полумракъ. Вокругъ стрѣляли наши и нѣмецкія орудія, вправо трещалъ пулеметъ. Нечеловѣческая сила помогла Онипко домаршировать съ перебитымъ плечомъ и осколкомъ въ груди до ставки коменданта. Сзади меня шелъ чуть не плача Соколовъ. «Вотъ досада,—повторялъ онъ,—я еще и не видѣлъ нѣмцевъ, а уже приходится итти въ госпиталь».

Такимъ образомъ, русскіе эмигранты въ рядахъ французской арміи уже понесли потери. Черезъ день Тарсаидзе, стоявшій на часахъ, былъ опрокинутъ взрывомъ «чемодана». Одежда до рубашки была разорвана, грудь осталась невредимой. Но другой осколокъ пробилъ ему мякоть ноги. «Ничего, скоро вернусь, а тамъ посмотримъ еще».

Изъ общаго состава русскіе эмигранты выдѣляются какъ своимъ безупречнымъ поведеніемъ, такъ и храбростью. Они вызываются постоянно въ патрули, въ охотники, и нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ предстоящемъ движеніи впередъ ихъ добрая воля и идейный порывъ, бросившій ихъ въ передовые ряды французскихъ войскъ, еще рельефнѣе подчеркнутъ тѣ качества, которыя ихъ выгодно отличаютъ отъ остальныхъ солдатъ иностраннаго легіона. Французское начальство зачастую съ изумленіемъ смотритъ на своихъ подчиненныхъ и

признается, что отъ такихъ «космополитовъ» оно ничего подобнаго не ожидало.

II.

Мы—въ погребѣхъ. Богатое мѣстечко разрушено и разграблено. Тутъ прошли огнемъ и мечомъ нѣмцы, потомъ ихъ выгнали французы. Мѣстечко нѣсколько разъ переходило изъ рукъ въ руки и, наконецъ, окончательно осталось за нами. Оно лежитъ въ котловинѣ, между двумя плато, занятыми ими и нами. Вокругъ—очаровательный пейзажъ предгорья, но если приглядѣться внимательно къ противоположнымъ скатамъ, можно разглядѣть на пожелтѣвшемъ фонѣ увядшей зелени красныя панталоны раскинувшихся фигуръ. Это—наши убитые передъ нѣмецкими траншеями. Они лежатъ уже второй мѣсяцъ красно-синимъ пятномъ на волѣ вѣтра и дождя. Противъ нашего мѣстечка, у самаго гребня, занятаго нѣмцами, лежитъ почти одноименный съ мѣстечкомъ городокъ. Онъ тоже въ развалинахъ, но хозяйничаютъ въ немъ нѣмцы. На этотъ разъ мы—въ мѣстечкѣ, т.-е. часть впереди въ траншеяхъ, а остальные—въ погребѣхъ разбитыхъ домовъ. Конечно, въ погребѣхъ въ принципѣ, на самомъ же дѣлѣ солдаты цѣлый день собираютъ въ брошенных огородахъ картофель, капусту и т. д., варятъ изъ нея супъ, моютъ бѣлье и вообще отдыхаютъ. Вотъ построеніе въ 800 шагахъ отъ непріятеля, поистинѣ не предусмотрѣнное уставомъ. Если бы не пули, то и дѣло по-свистывающія вдоль опустошенныхъ улицъ, да не взрывы довершающихъ дѣло разрушенія снарядовъ, можно было бы подумать, что находишься на поздней дачѣ.

Мой взводъ—въ паркѣ, въ погребѣ разбитаго замка. Въ пруду водится рыба, и старый легіонеръ Торлавъ вмѣстѣ съ Руденко ловятъ рыбу. Юршъ таинственно отводитъ меня въ сторону: «Посмотрите, лейтенантъ,

что у меня есть». Я смотрю и вижу двѣ новыя... удочки. Юршъ, собираясь на войну, очевидно, предусматрѣлъ возможность подобнаго занятія подъ носомъ непріятеля и запасся инструментами для рыбной ловли. Ахъ, Юршъ, Юршъ! Это—славный солдатъ, старый солдатъ, подъ 50 лѣтъ, когда-то фельдфебель нестроевой роты въ Россіи, потомъ изгнанникъ на чужбинѣ, а теперь—боецъ за родину. Вообще въ любопытныхъ біографіяхъ нѣтъ недостатка. Вотъ тутъ же, рядомъ съ Юршемъ, стоитъ молоденькій солдатъ, почти мальчикъ, Волжинъ. Крестьянинъ Саратовской губерніи, онъ бѣжалъ съ Урала въ Закаспій, оттуда въ... Персію. Тамъ вмѣстѣ со знаменитымъ Ефремомъ онъ дѣлалъ набѣги на непокорныхъ консервативныхъ хановъ, покуда ему съ пріятелями не предложили покинуть Персію. Персидскій кавалеристъ ѣдетъ въ... Индію, потомъ въ Африку, въ Италію и, наконецъ, въ Парижъ. Это—лучшій солдатъ моего взвода, и даже легіонеры, старые африканскіе крабы, какъ-то заявили сержанту: «Если кого изъ насъ надо произвести въ солдаты перваго класса, такъ это Волжина. Онъ—самый исправный и хорошій солдатъ». А такое признаніе въ устахъ стараго легіонера значитъ очень-очень много. Къ несчастью, Волжинъ почти не говоритъ по-французски. Коранъ вотъ знаетъ, а по-французски—ни въ зубъ. Теперь онъ у насъ спеціалистъ по дѣланію печей въ траншеяхъ и въ недалекомъ будущемъ смастеритъ намъ русскую баню. Вотъ уже слишкомъ мѣсяць, какъ мы въ передовой линіи, и за это время наши волонтеры превратились въ заправскихъ солдатъ,—отважныхъ, работающихъ и исполнительныхъ. Если и жалуются на что, такъ главнымъ образомъ, что не идемъ впередъ, что мало «тирайѣримъ», какъ говоритъ Померанцевъ, производя отъ *tirailleur* новый русскій глаголъ «тирайѣрить».

Ночью наше мѣстечко еще больше оживаетъ. Зажи-

гаются въ погребѣхъ огни, по улицамъ идутъ наряды за провизіей, несутъ раненыхъ, хоронятъ убитыхъ. Въ погребѣхъ тепло и уютно. Настлана солома, положены тюфяки, и мы въ 800 метрахъ отъ нѣмцевъ мирно спимъ. Только взводу, чтò на кладбищѣ, не такъ уютно. Траншея—узкая, задняя стѣнка ея касается гробовъ... Живые и мертвые тутъ вмѣстѣ, съ той только разницей, что у мертвыхъ больше мѣста для сна.

19-го ноября. Мы нынче—въ траншеяхъ. Нашъ капитанъ Тортель, вѣчно радостный лейтенантъ Лессеръ и я сидимъ подъ навѣсомъ у капитанской «кажиби». Принесли почту. Сержантъ-мажоръ Пантасье разбираетъ ее. Вотъ посылка для солдатъ и небольшой ящичекъ для Попова. Это—аптечка, присланная ему для роты товарищами изъ Парижа. По ассоціаціи капитанъ вспоминаетъ и зоветъ вѣстового. «Пошлите ко мнѣ изъ четвертаго взвода солдата Попова, пусть онъ осмотритъ капрала Анселя, чѣмъ онъ боленъ». Черезъ нѣсколько минутъ вѣстовой прибѣгаетъ, взволнованный и блѣдный. «Капитанъ,—докладываетъ онъ,—Поповъ не можетъ притти: его и его товарища только что убило. Видите, и мнѣ немного задѣло руку». Мы всѣ вскакиваемъ: «Какъ, убило Попова!». Мгновеніе стоимъ подавленные, печальные, потомъ я направляюсь въ четвертый взводъ. «Не ходите туда,—говоритъ Тортель,—вѣдь это же бесполезно, а мѣсто подъ обстрѣломъ». За мной идетъ Пантасье. Мы поднимаемся по лѣстничкѣ мимо дыръ траншей, гдѣ нѣсколько дней тому назадъ ранило Оникко, и тѣснымъ ходомъ сообщенія добираемся до ниши Попова. Это—та самая ниша, родъ шалаша, откуда вчера съ Тортелемъ мы старались разглядѣть артиллерійскія позиціи противника, за чтò и были осыпаны шрапнелями. Въ нишѣ нѣтъ никого. Задняя часть ея разбита, забрызгана кровью, и на полу, тяжело дыша, лежатъ Поповъ и Богушко.

Прибѣгаетъ капраль Мертесь и скороговоркой докладываетъ: «Мы были вчетверомъ здѣсь, мой лейтенантъ: я, Богушко, Эккъ и Поповъ. Они спали, когда два «чемодана» взорвались внутри; Эккъ былъ посрединѣ, и его только контузило, а Поповъ и Богушко убиты». Пантасье разсматриваетъ лежащихъ: «Да они живы еще». Приносятъ одѣяло, укладываютъ Попова и несутъ ко мнѣ во взводъ въ теплое «помѣщеніе для отдыха». Богушко, красавецъ Богушко, умираетъ! Его милая голова разбита, его сильное тѣло изорвано. Поповъ раненъ въ голову, вечеромъ его несутъ въ амбулаторію, оттуда эвакуируютъ дальше; по дорогѣ онъ умираетъ.

Тяжелый, грубый, бессмысленный день... Нѣтъ больше ни молчаливаго, очаровательнаго Богушко, ни кипучаго, вѣчно шумливаго Попова. Нѣтъ стараго бойца... А Анатолій Владиміровичъ Поповъ былъ старый боець. Въ жизни ему пришлось исколесить всю Россію,—отъ Питера до Тифлиса, отъ Москвы до Вильны... Онъ кончилъ медицинскій факультетъ въ Бернѣ, но дѣятельно занимался и литературой. Онъ былъ однимъ изъ организаторовъ группы волонтеровъ. Вѣчно заботился о насъ, бунтовалъ противъ непорядковъ, лѣчилъ, выпиывалъ для насъ лѣкарства и рвался-рвался впередъ. Экстазь самопожертвованія горѣлъ неудержнымъ пламенемъ въ этомъ экспансивномъ и оригинальномъ человѣкѣ. Когда въ Орлеанѣ его назначили помощникомъ доктора, т.-е. дали возможность сравнительно безопаснаго житья, онъ подалъ заявленіе, грозящее самоубійствомъ въ случаѣ, если его не оставятъ въ строю съ товарищами. И былъ оставленъ съ нами.

Вечеромъ ко мнѣ принесли Богушко и похоронили рядомъ съ Летеномъ на линіи траншей. Старый легіонеръ, солдатъ по ремеслу, и молодой эмигрантъ,—они лежатъ рядомъ подъ большимъ деревомъ. Юршь и

Волжинъ устроили любовно его могилку, сплели ему изъ ружейныхъ патроновъ вѣнокъ... «Александръ Богушко, русскій эмигрантъ, волонтеръ 1-й роты такого-то полка», написано на доскѣ надъ его могилой. Богушко? Это фамилія, взятая напрокатъ. Онъ—эстонецъ, какъ зовутъ его, не знаю,—знаю только, что онъ былъ въ ссылкѣ и бѣжалъ изъ нея на чужбину. Обыкновенная исторія съ необычайнымъ концомъ. Когда кончится война, тѣ изъ товарищей, которые останутся въ живыхъ, поставятъ на скромныхъ могилахъ болѣе прочные памятники, гдѣ будетъ высѣчено, что въ великомъ конфликтѣ русскіе изгнанники не остались безучастны къ судьбѣ пріютившей ихъ свободной страны и кровью своей отблагодарили ее.